

— Мерзкая лисица, немедленно прочь от меня!

В золотых глазах полыхала ярость. Лун Цяньлин с ненавистью смотрела на лиса, невесть откуда взявшегося у неё на груди. Её конечности были скованы десятью цепями, а духовная сила подавлена печатью, иначе она заставила бы этого наглого зверя пожалеть о том, что он вообще появился на свет.

— Жарко... так жарко... Как же плохо... М-м-м.

Личико Бай Цинняня покраснелось, за спиной беспрестанно металась девять пушистых белоснежных хвостов, а на голове проступили лисьи уши. Он в исступлении рвал на себе одежды, обнажая кожу, белую, как снег. В его прекрасных глазах, подернутых поволокой слез, читалась мольба о помощи, обращенная к Лун Цяньлин. А затем, под её ледяным взглядом, он неумело припал к её прохладным губам.

Лун Цяньлин широко распахнула золотые глаза, но как бы она ни сопротивлялась, ничего не могла поделать. Она чувствовала себя рыбой на разделочной доске, отданной на милость палачу. Тонкие пальцы лиса распахнули её черные одежды, раздался болезненный вскрик, и они слились воедино.

— Ты ищешь смерти!

Лун Цяньлин стиснула зубы, её золотые глаза, полные убийственного холода, впились в него, словно взгляд самого дьявола.

— Больно... — прошептал Бай Циннянь, не в силах разогнуться и уткнувшись ей в плечо. Слеза скатилась по его щеке и упала на ключицу Лун Цяньлин.

Она не знала почему, но эта капля показалась ей обжигающей. Неужели... ему и правда так больно? Эта мысль мелькнула и тут же погасла. Лун Цяньлин сосредоточилась, в её золотых зрачках вспыхнул свет, и на лбу проступила божественная печать. Окружающее пространство наполнилось убийственной аурой, поднялся вихрь, разметавший черные волосы Бай Цинняня.

— Холодно... — пробормотал он и, укутав себя и Лун Цяньлин девятью пушистыми хвостами, прижался к ней.

В одно мгновение ветер стих, и леденящая аура исчезла без следа. Лун Цяньлин в изумлении расширила глаза. Что происходит? Почему её сила подавления оказалась бесполезна против этой проклятой лисицы?

— М-м... как же больно...

Глядя на его покрасневшее личико, она почувствовала, как в груди закипает ярость. Лун

Цяньлин выплюнула сгусток крови и потеряла сознание. Подумать только, она, великая Богиня Драконов, лишилась невинности из-за какой-то паршивой лисицы! Если об этом узнают, над ней будет смеяться весь мир.

Падала холодная дождевая вода. Ресницы Лун Цяньлин дрогнули, и она открыла глаза. Осмотревшись, она поняла, что проклятого лиса и след простыл.

Хорошо. Мерзкая лисица, ты у меня еще дождешься!

Где-то вдалеке прогремел гром. В пелене дождя едва можно было разглядеть огромного черного дракона, прикованного десятью цепями ко дну бездны. Дракон застыл, словно погрузившись в глубокий сон.

...

Цинцю.

Бай Циннянь погрузился в ванну с головой, пытаясь смыть запах незнакомки. Если бы не его доверчивость и глупость, братья не смогли бы заманить его в Бездну Вселенского Зла, и он не лишился бы своей чистоты. Он винил лишь себя за то, что был таким наивным и поверил, будто братья искренне хотят помочь. Он так отчаянно нуждался в Траве Возвращения Духа, чтобы вылечить отца, что отправился за ними в ту страшную бездну. Кто бы мог подумать, что они заставят его съесть Плод Одурманивания и бросят одного в этом жутком месте?

Бай Циннянь прикусил губу, заставляя себя не рыдать в голос. Смыв с кожи чужой аромат, он выдавил из себя слабую улыбку и собрался навестить отца. Тот был простым слугой во Дворце Лисиц, но однажды случилось непредвиденное, и на свет появился он. К сожалению, у отца была слабая кровь, и даже после рождения сына Император Лисиц ни разу не взглянул на них.

Отец был болен и все эти годы не вставал с постели. Бай Циннянь не мог позволить ему волноваться. Их жилище находилось на отшибе, и никто никогда сюда не заглядывал. Формально он был девятнадцатым принцем Цинцю, но в реальности никто не считался с ним, не говоря уже о заботе. Отец растил его в одиночку. Из-за нечистой крови отца у самого Бай Цинняня с рождения были низкие способности и слабые магические навыки. Император Лисиц считал его позором и закрывал глаза на любые издевательства, отчего обидчики лишь сильнее свирепели.

— Бай Девятнадцатый, ты всё-таки вернулся? Почему бы тебе не убраться из Цинцю вместе со своей любовницей? Ха-ха-ха!

Стоило Бай Цинняню выйти из дома, как он наткнулся на своих братьев. Он рефлекторно отступил, его красивые лисьи глаза мгновенно покраснели, тело задрожало, и слезы хлынули из глаз.

— Что молчишь? Нашел свою Траву Возвращения Духа? Ха-ха-ха! — усмехнулся юноша в красном, не скрывая презрения.

— О чем ты? Он наверняка наслаждался под той женщиной, как ему до больного папаши?

— Посмотри на этот жалкий вид, женщины такое обожают...

Юноши перебрасывались колкостями, совершенно не заботясь о чувствах Бай Цинняня. Слушая их, он чувствовал, как даже в самый солнечный день его пробирает ледяной холод.

А в паре шагов от них, оставаясь невидимой, стояла высокая фигура в черном.

Что эта лисица всё время плачет? Если тебя обижают, разве нельзя дать сдачи?

Лун Цяньлин скрестила руки на груди, с презрением наблюдая за рыдающим Бай Циннянем. Если он такой трус, то откуда у него взялась смелость овладеть ею? Когда она выберется из Бездны Вселенского Зла и придет мстить, он, должно быть, умрет от страха. Впрочем, мысль об этом казалась ей довольно забавной.

Драконница злорадно усмехнулась, пользуясь своей невидимостью, чтобы продолжить наблюдение. Странно, но с момента их близости она невольно отделила частицу своего Божественного сознания, которая теперь следовала за этим лисом.

Пока она пребывала в недоумении, братья уже повалили Бай Цинняня на землю.

— У-у...

— Чего ревешь? Заткните ему рот, чтобы никто не услышал!

— Ничего страшного, матушка всё равно плевать на него хотела. Главное — не убить до смерти.

— Верно, всего лишь ублюдок. Мать не станет нас наказывать из-за него.

Бай Циннянь закрыл голову руками и сжался в комок, не смея произнести ни слова. Стоявшая рядом Лун Цяньлин нахмурилась. Вид девяти хвостов, беспорядочно вырвавшихся из-за нестабильной силы демонов, вызвал у неё раздражение.

— Ну и дурак!